

ВЕНЕЦИАНСКИЙ СЛЕД В ЖИЗНЕННОМ ПУТИ ИГУМЕНА ПАЛЛАДИЯ РОГОВСКОГО

А. О. ЯСТРЕБОВ

Палладий Роговский — первый русский доктор богословия и философии. Будучи студентом Славяно-греко-латинской академии при братьях Лихудах, он предпочел оставить Родину и отправиться на Запад для получения полноценного школьного образования. Годы, проведенные им в Европе, в первую очередь в Италии, были доселе практически неизвестным периодом его жизни. Анализ данных итальянских архивов вкупе с уже опубликованными русским исследователем академиком Е. Ф. Шмурло, но не вошедшими в научный обиход документами архивов конгрегации Пропаганда Фиде и Греческого коллегиума в Риме, позволяют узнать о новых обстоятельствах жизненного пути и по-иному взглянуть на личность первого ректора Славяно-греко-латинской академии. В первую очередь интересны обстоятельства его рукоположения в священный сан католиками в Риме и переписка, связанная с признанием его диаконского сана в Русской Православной Церкви. Одним из важных документов, прилагавшихся в римской курии к делу о его посвящении, является письмо русского католика, диакона (впоследствии расстриженного) Петра Артемьева, в котором последний упоминает о том, что Роговский тайно принял латинство еще до отъезда на Запад. Наконец, особого внимания достойно письмо самого Палладия из Венеции, в котором он прямо сообщает о своих планах по распространению католичества в России.

Страницы биографии

Несмотря на свое миноритарное положение среди русских духовных писателей, в первую очередь в силу того, что ему было отпущено мало времени для деятельности в чине ректора Славяно-греко-латинской академии, «первый русский доктор» философии и богословия, игумен Палладий Роговский (или правильнее Рогов) — личность, несомненно, яркая и заслуживающая большего внимания со стороны исследователей¹. Он стал первым из известных нам «москвитов», по

¹ Его «Челобитная» и «Изложение веры» опубликованы в издании: Древняя Российская Вивлиофика / Н. И. Новиков, изд. М., 1792. Ч. 18. С. 148–150, 153–197. Литература о Палладии ограничена в основном статьями в дореволюционных периодических изданиях, притом что не опубликовано ни одной посвященной ему монографии. О нем писали Н. И. Надеждин (Палладий Роговский, первый русский доктор // Сын Отечества. СПб., 1840. Т. 4. С. 598–621), А. Смеловский (Братья Лихуды и направление теории словесности в их школе // Журнал министерства народного просвещения. 1845. Ч. 45. Отд. 5. С. 75–77), С. К. Смирнов (История Московской Славяно-греко-латинской академии. М., 1855. С. 24, 38, 78–81), Н. Г. Устрялов (История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 3. С. 355–357), М. Никольский (Рус-

своей воле отправившихся для науки на Запад. То, что давно не было диковиной для малороссийских православных, стало настоящим первопроходчеством для народа Северной Руси.

Вначале изложим факты биографии Роговского, которые получены из источников, имевшихся в распоряжении русских историков.

Итак, Палладий, или в миру Феодор², происходил из северных земель — уроженец Тверской губернии (род. в 1655 г.), монашествовал в Савво-Вишерском монастыре, что в Новгородских пределах, а затем служил в сане иеродиакона при Леонтии, епископе Тамбовском.

Поступив вместе с группой первых учеников в школу Лихудов (1685), располагавшуюся тогда еще в Богоявленском монастыре, он уже в 1687 г. покидает ее и отправляется на Запад для продолжения образования³.

Большинство фактов его биографии известны из его же сочинений «Исповедание веры» и «Челобитная патриарху Адриану». В них Палладий сообщает, что год провел в иезуитской школе в Вильне, год — в силезском Нейссе (ныне Ныса, Польша), а затем перебрался в моравский Ольмюц (ныне Оломоуц, Чехия), где для поступления в местную семинарию ему пришлось принять католичество⁴. Здесь он проучился несколько лет, чтобы позже поступить в римский колледж святого Афанасия (начало 1693 г.).

В Вечном городе Палладий был рукоположен в сан пресвитера греко-католическим архиепископом Онуфрием и обучался с 1693 по 1698 г., получив два диплома — по философии и богословию.

ские выходцы из заграничных школ в XVII стол. Палладий Роговский // Православное обозрение. 1863. Кн. 10. С. 162–172). В Русском Биографическом словаре А. А. Половцова сведения о Роговском приведены на основании данных ДРВ (Русский Биографический словарь. СПб., 1902. Т. 13. С. 151–153). Важнейшей публикацией о «первом русском докторе» является статья Е. Ф. Шмурло (Русские католики конца XVII в. по данным архивов Пропаганды и Коллегии св. Афанасия // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1933. Вып. 3. С. 1–29), в которой он на основании открытых им архивных данных существенно дополняет картину заграничного периода жизни Роговского.

² В. Бушлякова сообщает, что мирское его имя Павел (*Бушлякова В. А. Автограф Палладия Роговского в фондах Тверского государственного объединенного музея // Дни славянской письменности и культуры: Сб. докладов и сообщений. Тверь, 2002. Вып. 6. С. 54–57*).

³ Древняя Российская Вивлиофика... С. 148. «Заметим имена этих избранных; они назывались: Алексей Кирилов, Николай Семенов, Федор Поликарпов, Феодот Аггеев, Иосиф Афанасьев. К ним присоединен был еще Иов, монах Чудовский. К ним присоединился, по собственному вызову, и чернец Палладий, который, как говорит сам, в силу просьбы своей, помещен был в Богоявленский монастырь, где служил диаконом и учился в школе полтора года» (*Надеждин. Указ. соч. С. 610*).

⁴ Семинария в Ольмюце — детище папы Григория XIII (1572–1585) и его ревностного сотрудника, иезуита Антония Поссевина. Задачей ольмюцкой школы была проповедь католицизма среди северных народов в землях Дании, Померании, Ливонии, Пруссии и Московии (*Archivum Romanum Societatis Iesu. Fondo Gesuitico (Informationum libri) 155. Fol. 43^R*).

Благодарю архимандрита Мануэля Нина, ректора Греческого Коллегиума в Риме, монаха Ламберта Воза, архивиста Греческого коллегиума и Крестовоздвиженского монастыря (Шевтонь, Бельгия), а также монсеньора Луиса Куньо Рамоса, архивиста конгрегации Пропаганда Фиде и отца Роберта Данелюка, архивиста Римского архива Общества Иисуса за предоставленную возможность работы в подведомственных им архивах и всемерную помощь во время занятий.

Далее он сообщает, что по окончании курса наук был направлен папой на Украину, но бежал в Венецию, где воссоединился с православием у митрополита Филадельфийского Мелетия, познакомился с П. А. Голицыным, который собирался оттуда в Москву, и вместе с ним приехал в Россию⁵.

В столице Палладий просил патриарха о прощении, представив свою челобитную. Святитель предложил Палладию составить «Исповедание веры», что тот и сделал, прочитав его публично «перед всем собором и народом»⁶, и 2 июня 1699 г. был принят в Православную Церковь в сущем сане, то есть как иеромонах.

В 1700 г. возводится в сан игумена и назначается ректором академии, став первым, кто получил это звание, хотя по праву первыми ее ректорами должны были считаться братья Лихуды. Сохранилось не много сведений о взаимоотношениях ученика со своими учителями, однако бесспорно то, что вкус к серьезному образованию Роговский получил в школе Лихудов. Конечно, его академия была уже совсем иной, нежели их. По сути, она стала Славяно-латинской, и греческий дух был из нее во многом удален. Греческая школа вернется в академию только вместе с Софронием Лихудом в 1717 г. Палладий, видимо, хуже владел греческим языком, чем латинским, не делал на него ставку при обучении и, очевидно, не испытывал особого пиетета перед православным Востоком, столь характерного для Руси. Годы, проведенные в католических школах, наложили свой отпечаток на образовательный подход первого ректора⁷. Правда, уже в начале 1703 г. игумен Палладий скончался.

Его богословское наследие невелико. Самое известное его произведение — уже упомянутое «Исповедание веры», в котором Палладий излагает свое кредо, описывает отступления от православия и перечисляет погрешности римского учения. Это сочинение показывает в нем блестящего латинского школяра, но, что характерно, он не приводит опровержений католических догматов, отличающихся от православной доктрины. Это связано, очевидно, с тем, что Роговский и не знал контраргументов в подробности, будучи научен в Риме, что эти положения являются спорными между Католической и Православной Церквами и что по такой-то причине католики правы. Он избрал простую схему: перечисление ересей и вероучительных отступлений Запада (которые он изучил под именем истинных положений вероучения), решив, по-видимому, что московские начетчики не отважатся просить опровержений, чтобы не показать своего невежества⁸. Впрочем, по мнению Е. Ф. Шмурло, с которым трудно не согласиться, за таким умолчанием скрывалось нечто большее.

⁵ Древняя Российская Вивлиофика... С. 149.

⁶ Там же. С. 151.

⁷ См.: *Смеловский*. Указ. соч. С. 76. Цирпанлис (*Τσιρπανλής Ζ. Το ελληνικό κολλέγιο της Ρώμης και οι μαθητές του (1576–1700). Θεσσαλονίκη, 1980. Σ. 691*) цитирует слова ректора греческого коллегиума, который, как увидим далее, рекомендует Роговского как отличного знатока греческого языка и устава, однако Шмурло подозревает, что в отзыве ректора имелся в виду русский язык (*Шмурло*. Указ. соч. С. 25).

⁸ Опротметчиво, на наш взгляд, пишет Никольский со ссылкой на Преосвященного Филарета (Гумилевского): «Адриан поручал выходцам из западных школ излагать догматы и учение римской церкви с тою целью, чтобы русские пастыри церкви и ученые, мало знакомые с уче-

Второе сочинение Палладия (но первое по времени) — его челобитная патриарху Адриану — представляет главным образом биографический интерес. Обе работы написаны зимой-весной 1699 г.

Третья, переводная, работа Палладия — «История церковная» Каллиста Ксанфопула.

Его перу принадлежит также неизданная «Похвала» царю Петру (1700)⁹.

Наконец, ему приписываются еще два произведения: «Описание Рима» и «Поучения на праздники господские и богородичные»¹⁰.

Вышеприведенные сведения биографического характера, как сказано, получены почти только на основании свидетельств самого Палладия, поэтому русские дореволюционные исследователи лишь повторяют то, что говорит он сам. И если его пути на родине еще как-то прослеживаются, то о периоде учебы Роговского на Западе до публикации Шмурло (о ней ниже) было известно весьма немного.

«Theodorus Rhogoski Moscus ex Urbe Tveri»

Несомненно, Роговский обладал недюжинной жадной знаний. Ему было 20 лет, когда он поступил в Лихудиеву Богоявленскую школу, и 28, когда он поступил в римский коллегиум святого Афанасия (где обычно начинали учебу в 14-летнем возрасте, а часто — и в более раннем). В ту эпоху это был настоящий подвиг. Вспомним, как насмехались над двадцатилетним Ломоносовым в той же Славяно-греко-латинской академии несколько десятков лет спустя! Кроме того, отъезд двадцатидвухлетнего Палладия из московских пределов был совершен без ведома гражданских и духовных властей, абсолютно нелегально, что ставило его в положение изгоя как в России, так и на чужом для него Западе. Все это, однако, он посчитал преодолимым, и в действительности смог осуществить¹¹.

При изучении документов, свидетельствующих о русско-итальянских связях (в первую очередь русско-венецианских) и опубликованных акад. Е. Ф. Шмурло в 4-м томе сборника «Россия и Италия», нам встретилось упоминание о письме отца Палладия, написанного им в Венеции¹², а затем, уже после знакомства с подлинником в архиве конгрегации Пропаганда Фиде, его же статья «Русские католики конца XVII века», посвященная П. Роговскому и П. Артемьеву, где письмо впервые публикуется в оригинале и в русском переводе. Содержание письма является важным свидетельством личных взаимоотношений «первого

нием латинян, успешнее могли противодействовать неправомыслию, наплывающему к нам с запада: то нельзя не согласиться с мнением историка нашей церкви, что сочинение Роговского принесло больше пользы русскому православию, нежели диалектические споры, вызванные Лихудами и им подобными учеными греками и русскими (здесь и далее в цитатах курсив мой. — А. Я.)» (Никольский. Указ. соч. С. 171). Думается, что такое изложение ошибок без приведения опровержений является скорее разновидностью проповеди, нежели кратким курсом сравнительного богословия.

⁹ Рамазанова Д. Н. Палладий Роговский // Большая российская энциклопедия (в печати).

¹⁰ Русский биографический словарь... Т. 13. С. 152.

¹¹ Никольский. Указ. соч. С. 612.

¹² Шмурло Е. Ф. Россия и Италия: Сб. исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. Л., 1927. Т. 4. С. 229.

русского доктора философии и богословия» с его корреспондентом в Риме (вероятно, кардиналом Леандро Коллоредо, тогдашним протектором Пропанды), а главное — добавляет важные черты в портрет будущего ректора Московской академии¹³.

До Рима, по его показаниям, Роговский побывал в Литве, Силезии и Богемии, откуда вынес не только знания, но и знакомство с западной культурой и повседневной жизнью. Впрочем, несмотря на проведенные нами исследования в архивах Конгрегации Пропанды Фиде и Общества Иисуса, где хранятся списки учеников интересующих нас иезуитских коллегий, его имени среди учащихся обнаружить не удалось¹⁴.

Кстати, римский коллегиум святого Афанасия, куда Рогов был записан 15 февраля 1693 г., также управлялся иезуитами. Будучи основан при папе Григории XIII (также как и ольмюцкая семинария) в 1577 г. на средства грекокатолического епископа Иоасафата Палеокапы (как впоследствии и один из

¹³ Древняя Российская Вивлиофика... С. 161; Archivio Storico di Propaganda Fide. Acta Sacrae Congregationis de Propaganda Fide. Vol. 64. Fol. 28–29^v; Archivio Storico di Propaganda Fide. Scritture originali riferite nelle Congregazioni Generali. 1694. Vol. 517. Fol. 131^{r-v}; *Шмуцло*. Русские католики... С. 13–14, 28–29. Конгрегация Пропанды Фиде управлялась коллегией из 13 кардиналов, каждый из которых нес ответственность за определенную часть света, где велась миссионерская деятельность Католической Церкви, тогда как на местах ее работу координировали папские нунции. Таким образом, было бы естественно, если бы единственный русский студент коллегиума был представлен лично протектору провинции Польши, Швеции и России, тем более что последний, как указано в докладе богословов от 8 марта 1694 г. (о нем см. ниже), был в ту пору и временным администратором Греческого коллегиума.

¹⁴ Согласно уставу Вильненского коллегиума, где Палладий начал свой школьный путь на Западе, в заведение принимались не католики, но только на срок не более полугода, если не хотели принимать латинство (Archivio Storico di Propaganda Fide. Scritture riferite nei Congressi: Collegi vari. Vol. 66. Fol. 13). Впрочем, как увидим далее, в случае с Палладием вопрос о сохранении им православия был к тому времени уже неактуален. Хотя прямого указания о его пребывании среди учеников коллегиума нет, имеется сообщение, что до 1696 г. в нем проходил обучение всего один москвит. Кого здесь имеет в виду летопись, сказать сложно. Роговский учился в вильненской семинарии лишь в подготовительном классе (инфима), поэтому мог быть и не записан в реестр (Archivio Storico di Propaganda Fide. Congregazioni particolari e visite de collegii pontificii. Visite del Collegio Germanico e altri oltramarini e Oltramontani degli anni 1697. 1698. T. 36. Fol. 409–410^v; Archivum Romanum Societatis Iesu. Catalogus triennalis 1685. Collegium Vlnense). Списки учеников сохранились фрагментарно, поэтому восстановить имя упомянутого москвиты — задача вряд ли выполнимая, тем более, что в иезуитских отчетах речь обычно идет только о членах ордена. Что касается семинарии в Ольмюце, то здесь имеются указания как на ее преподавательский состав — членов Общества Иисуса (Archivum Romanum Societatis Iesu. Bohemia catalogi breves. T. 90 (1668–1689); T. 91 (1690–1699), так и на учеников (Archivio Storico di Propaganda Fide. Scritture riferite nei Congressi: Collegi vari. Misc. 12 (Conti del collegio olmucense 1580–1738)), притом списки студентов в отчетности Пропанды составлялись ежемесячно. В период 1688–1692 гг. Роговского не находим. Это тем более странно, что в Ольмюце он прошел курс «свободных наук» и по окончании был снабжен рекомендательными письмами в Рим. Причем если в иезуитских документах списки обычно касаются только тех преподавателей и учеников, которые принадлежали ордену, то в архивах Пропанды приведены имена студентов всех конгрегаций. В Богемской семинарии в указанный период преподавали в основном выходцы из Силезии и Венгрии, а также из Литовской Руси.

греческих коллегий Падуй), в XVI и XVII вв. он переживал период расцвета¹⁵. С 1701 по 1704 г. в Греческом коллегийе учился, заканчивая свои «европейские университеты», видный деятель эпохи Петра Великого архиепископ Феофан Прокопович, снискавший милость самого папы Климента XI, который, как известно, уговаривал его остаться в Риме.

Кроме будущего иерарха Православной Церкви, в школе на улице Бабуинов в разное время учились известные в будущем представители Греко-Католической Церкви, такие как митрополит Иосиф Рутский, митрополит Рафаил Корсак, миссионер Юрий Крижанич¹⁶. Здесь же проводил свои школьные годы знаменитый Лев Алляций, хранитель Ватиканской библиотеки при папе Александре VII (1661–1669). Учеником Алляция был Николай Комнин Пападополи, профессор канонического права Падуанского университета и ректор Коттунианского коллегийума, столь много сделавший впоследствии для Петра Постникова¹⁷.

Итак, матрикулярная запись школы, составленная в виде таблицы с графами личных данных, скупко сообщает:

«Феодор Рогоски, монах Базилианского Ордена / Московит из города Тверь / Сын Симеона и Ксении Рогоски / В коллегийуме с 15 февраля 1693 г. / 28-ми лет. Родился 8 февраля 1665 / изучал Логику, изучает Физику, изучает Богословие и три года изучал Богословие / Диякон в Московии (Тверь). Рукоположен в наш храм (Св. Афанасия при коллегийуме. — А. Я.) священником с разрешения Святейшего Отца / Бакалавр и Магистр по философии и богословию, то есть Доктор на обоих факультетах / Покинул коллегийум 9 июня 1698 / По выпуске, находясь в миссии, *отравлен схизматиками*»¹⁸.

Отметим, что русский студент записан в матрикулярную книгу как базилианский монах, но под своим мирским именем Феодор¹⁹.

С уровнем подготовки Роговского, прошедшего к тому времени три школы, изучившего латинский язык и окончившего курсы грамматики, пиитики, риторики, не могли равняться учившиеся в коллегийуме дети итало-греков. У многих

¹⁵ *Τσιροπavlής*. Op. cit. Σ. 397–399. Статьи, именно устав Римского коллегийума лег в основу уставов греческих семинарий Падуй.

¹⁶ См.: *Назарко I, свящ.* Київські і Галицькі митрополити. Р., 1962. С. 38–45. См. также: *Sacrae Congregationis de Propaganda Fide memoria rerum 1662–1972 / J. Metzler, cur.* Freiburg, 1972. Vol. 1/2. P. 207–210.

¹⁷ См.: *Шмурло Е. Ф.* П. В. Постников: Несколько данных для его биографии. Юрьев, 1894.

¹⁸ *Archivio Storico di Propaganda Fide. Scritture riferiti nei Congressi: Collegi vari.* Vol. 14. Fol. 41^v–42. Настоящее и прошедшее время в глаголах *studet* и *studuit*, а также повторение изучаемых дисциплин объясняется, вероятно, тем, что секретарь фиксировал для памяти предметы, которые ученик в ряде случаев еще изучал, а в ряде случаев уже окончил. Как видим, у католиков была полная уверенность, что ранняя смерть отца Палладия была вызвана его миссионерской деятельностью. Ссылки на эту запись даются в публикациях: *Wojnar M. M.* *Basilian Missionary Work // Analecta Ordinis S. Basilii Magni.* 1974. Vol. 9. P. 101; *Τσιροπavlής*. Op. cit. Σ. 691.

¹⁹ Шмурло дважды встречает имя Феодор в записках секретаря Пропagанды аббата Барди и трактует это как его ошибку (см.: *Шмурло.* Русские католики... С. 24). Он не был знаком с матрикулярной записью коллегийума. Д. Н. Рамазанова вслед за В. Бушляковой (см.: выше) сообщает другое мирское имя Палладия — Павел (см.: *Рамазанова.* Указ. соч.).

учеников, упоминающихся в матрикуле, изучавшиеся дисциплины ограничиваются элементарными, такими как грамматика. Логику, физику, философию и богословие, как показано в графе *Studia*, он изучал в коллегииуме и, по-видимому, повторял что-то из того, что уже слышал в Ольмюце (ту же логику)²⁰.

Документальные свидетельства, связанные с принятием Палладием Роговским иерейского сана

Рукоположению отца Палладия в сан иеромонаха, состоявшемуся в 1694 г. в Риме, предшествовала переписка между ректором коллегииума и конгрегацией Пропаганда Фиде, в ведении которой он находился как выходец из русских пределов²¹.

Дело в том, что в домовом храме греческой школы во имя святого Афанасия Александрийского, где настоятелем был митрополит Демр Онуфрий, не было постоянного священника. Архиерею, вероятно, было не слишком удобно, а отчасти и утомительно совершать будничные богослужения, и он хотел бы иметь священника себе в помощь. Кандидатура Роговского была как нельзя более удачной, но была одна проблема: иеродиакон не имел при себе никакого документа, удостоверяющего его рукоположение в священник, и это стало камнем преткновения для его нового начальства. Зато для нас бюрократическая переписка между школой и курией оказалась источником, проливающим свет на обстоятельства пребывания «первого русского доктора» в римской семинарии.

Сам Палладий в своем «Изложении веры» сообщает, что поставление его в священники состоялось под давлением упомянутого митрополита Онуфрия, которому требовался священник для служения в семинарской церкви²². Ходатайство отца Делла Торре и переданные им в Пропаганду документы, а также решения последней по этому вопросу сообщают новые данные не только на этот счет, но и вообще заставляют по-иному взглянуть на сформировавшийся в историографии образ будущего игумена Заиконоспасского монастыря и главу Славяно-греко-латинской академии.

Еще до того как письмо ректора было направлено в конгрегацию, сам Роговский в сентябре 1693 г. ходатайствовал о своем рукоположении в сан пресвитера. Академик Шмурло публикует заметку секретаря Пропаганды с упоминанием о письме на имя кардинала Спады²³. Последний, будучи префектом конгрегации, распорядился собрать сведения о русском иеродиаконе, на основании которых впоследствии и было сделано заключение комиссий богословов и кардиналов.

²⁰ Archivio Storico di Propaganda Fide. Scritture riferiti nei Congressi: Collegi vari. Vol. 14. Fol. 42. К сожалению, объемистая папка в архиве Пропаганды, посвященная Греческому коллегииуму, не дает никаких сведений по Роговскому (Archivio Storico di Propaganda Fide. Scritture riferiti nei Congressi: Collegi vari. Vol. 30: Collegio greco).

²¹ Ректором греческого коллегииума в 1694 г., ходатайствовавшим перед конгрегацией о рукоположении отца Палладия в сан иеромонаха, был отец Josef Maria de Turge (встречается написание «à Turge»), то есть в итальянском варианте, вероятно, Делла Торре (Archivum Romanum Societatis Iesu. Rom. T. 94. Fol. 167^v).

²² Древняя Российская Вивлиофика... С. 162.

²³ См.: Шмурло. Русские католики... С. 23–24. Как раз в ней Палладий также именуется Феодором.

За Роговского поручились генерал ордена базилиан отец Поликарп Филиппович, а также упомянутый в заключении комиссии отец Фердинанд Вальтхаузер, ректор Нейсского коллегиума, который ссылается на свидетельство двух миссионеров, видевших его в Москве на одном из богослужений²⁴.

Итак, 16 марта 1694 г. на заседании конгрегации Пропеганды в присутствии папы Иннокентия XIII разбиралось дело «о рукоположении в сан священника Палладия Роговского, у которого нет свидетельствованных грамот о поставлении в сан диакона». Доклад представил кардинал-викарий Гаспаре Карпенья²⁵.

В сообщении вначале приводятся элементарные доводы в пользу рукоположения русского иеродиакона в пресвитерский сан. Среди них такие, например, как обращение к нему как к диакону в письмах, приходящих из Московии (об этом ниже), или свидетельства директора госпиталя в Венгрии, который под присягой утверждал, что, будучи в миссии в Москве, видел там отца Палладия в диаконском облачении, сослужившим патриарху.

Затем приводится целый ряд любопытных выкладок, позволявших отцам конгрегации допустить Палладия к священству. Вот, например, первый «моральный» аргумент в пользу положительного решения вопроса:

«...хотя нужно искать доказательств, подтверждающих наличие более низкого сана для восхождения к более высокому, не кажется, что они должны быть метафизически точными, но что достаточно иметь в них моральную уверенность. Таковыми, как представляется, могут быть названы [данные,] сообщенные выше»²⁶.

Остальные пункты в основном обоснованы пользой рукоположения Палладия для пропаганды католического учения, несмотря на отсутствие документа о поставлении его во диакона. Например, последний, шестой пункт гласит:

«... было бы слишком большим вредом для дела искоренения схизмы и проповеди веры в тех странах, если монахам, которые хотели бы придти к Унии, полагались бы непреодолимые препятствия к их рукоположению в высший сан, когда они не имели бы убедительных доказательств того, что приняли низший»²⁷.

Этому заседанию предшествовало еще одно предварительное слушание, состоявшееся 8 марта 1694 г. и проходившее в той же конгрегации, но только среди экспертов, которым как раз нужно было дать заключение на основании доку-

²⁴ Шмурло. Русские католики... С. 24, 7.

²⁵ Кардинал Карпенья (1625–1714) был человеком неоспоримых достоинств. Происходя из знатной семьи, с самого детства он посвятил себя служению Католической Церкви. Его дарования обратили на себя внимание римских понтификов — в течение более чем 40 лет он был кардиналом-викарием у пяти пап и членом множества конгрегаций и комиссий (см.: Древняя Российская Вивлиофика... С. 161).

²⁶ Archivio Storico di Propaganda Fide. Acta Sacrae Congregationis de Propaganda Fide. Vol. 64. Fol. 28^v.

²⁷ Ibid. Fol. 29^v–30.

ментов, представленных ректором коллегии²⁸. Заключение было приобщено к докладу кардинала Карпеньи 16 марта, и решение комиссии кардиналов фактически было вынесено на основании этого документа, что подтверждается прямым его цитированием в тексте решения.

Само заключение богословов, естественно, более обширно, чем последовавшая за ним резолюция совета кардиналов, и содержит больше любопытных частных характеристик административный механизм курии, покоившийся на системе схоластического богословия. Вначале приводятся аргументы и доказательства возможности допустить Роговского к рукоположению в священнический сан, отчасти уже упомянутые выше.

В тексте присутствует также весьма красноречивая характеристика православных:

«...в нашем случае нельзя иметь больших [доказательств], находящихся в руках схизматиков, от которых только лишь могут быть получены, а они скорее хотели бы видеть этого монаха сожженным заживо, нежели потворствовать ему за то, что он оставил единство с ними»²⁹.

Богословы также полагают весьма маловероятным, что Палладий вводит их в заблуждение относительно наличия диаконского сана, поскольку достаточно было лишь высказать пожелание о рукоположении, и его посветили бы вначале в диаконский, а потом и в пресвитерский сан, тогда как в случае обмана имело бы место

«нечестие слишком глупое или глупость слишком нечестивая и бессмысленное желание безо всякой пользы жить святотатцем, отлученным и неканоничным, вечным преступником, чего по справедливости невозможно предположить о человеке, не только благочестивом, но хотя бы имеющем видимость разума»³⁰.

Получается, что наличие у Палладия диаконского сана было скорее затруднением для его возведения в сан иеромонаха, нежели каким-то подспорьем. Бросается в глаза и то, что Палладий перед этим явно сам добивался пресвитерского рукоположения, обратившись с прошением в Пропанду и после запроса кардинала-префекта поспешно представив необходимые ходатайства.

Дело иеродиакона было решено положительно, но с одним условием — он должен был поклясться, что действительно был рукоположен в сан диакона³¹.

²⁸ Шмурло полагает, что реляция от 8 марта (так же, как и следующая, от 16-го) является докладом кардинала Карпеньи, хотя этого не следует из текста протокола (см.: Шмурло. Русские католики... С. 9). В любом случае, это частность. Главное, что подготовленный отцом Делла Торре материал лег в основу заключения коллегии экспертов от 8 марта, использованного впоследствии в докладе Карпеньи 16 марта на заседании конгрегации.

²⁹ Archivio Storico di Propaganda Fide. Scritture originali riferite nelle Congregazioni generali. 1694. Vol. 517. Fol. 131.

³⁰ Ibid. Fol. 131^v.

³¹ Archivio Storico di Propaganda Fide. Acta Sacrae Congregationis de Propaganda Fide. Vol. 64. Fol. 29^v. № 3.

Письма Т. Тихавского и П. Артемьева

Самым поздним по времени, прибывшим из Вены в конце 1693 г., было свидетельство бывшего миссионера отца Товии Тихавского. Оказывается, он был не просто знаком с Палладием по Москве — он обратил его в католичество!

Товия пишет:

«Свидетельствую словом священника, а если понадобится, то готов подтвердить его и торжественною клятвою, что достопочтенный брат Палладий Роговский, русский подданный, в чине Базилианского ордена, был мною в ту пору, когда я находился в Москве в звании цесарскаго миссионера, *обращен в истинную веру*, и что, хотя сам я, за невозможностью присутствовать на богослужении в православных церквах, не видел его там священнодействующим, зато в Вербное Воскресенье, во время торжественной процессии, я видел его, как он шел впереди патриарха и всего духовенства в диаконском облачении, что может служить неопровержимым доказательством его диаконства»³².

А для нас, в свою очередь, это письмо служит неопровержимым свидетельством того, что отец Палладий перешел в католичество не в Ольмюце, как говорит он сам, «наук ради», а значительно раньше, еще на родине³³.

Наконец, среди бумаг, представленных ректором на рассмотрение конгрегации, находим важнейшее свидетельство, которое ставит точки над «i» в вопросе о подлинном отношении Роговского к католичеству.

Выше было отмечено, что в докладах католическим властям упоминается письмо, пришедшее к русскому студенту из Москвы, в котором он именуется диаконом. Автором этого уникального документа является не кто иной, как Петр Артемьев, соученик Палладия по Богоявленской школе, русский католик, претерпевший за исповедание латинства извержение из сана и ссылку в Соловецкий монастырь. Если в подлинности свидетельств иезуитов у кого-то могут быть сомнения, то нет оснований не доверять словам Артемьева, зная его твердость в римской вере, которую не сломали даже в Патриаршем приказе.

Итак, Петр Артемьев пишет:

«Преподобному в монасах иеродиакону Палладию обитающему в числе благочестивых сынех первопрестольнаго кафолическаго верховнаго апостола Петра и егова наместника благочестивейшаго епископа Иноценция во сущей яже во Христа вселенстей церкви, Мнеший есмь и последний сый и аз тоя кафолический сын Петрик Артемиев благословения от твоего преподобства требую усердно поклоняюся.

Долг имейя, ради любве, юже имама между себе, еже писати, о яже тебе потребствующых: се возписуя.

Ни кто бы о твоём намерении ведати могл, о возлюбленне, аще не бы ты сам

³² Цит. по: *Шмулло*. Русские католики... С. 7. Там же (С. 25) приложен оригинал.

³³ «Аз же желая достигнути высших наук, присягнул, и тако отступство от благочестивыя веры учиних; что аще не сердцем, но едиными усты сотворих наук ради» (Древняя Российская Вивлиофика... С. 159–160).

слуге князь Борисову Ивану Тукаю возвестил яже о себе. И паки: Борису ученику в школе, хотя и не все подробну, однако же они по твоём отшествии поддогадавшись по твоим же словам теперво уразумели, что ты не инуды куды отшел разве в Польшю, о котором я слышал и от самого учителя. Толко лише не ведают того места, в котором ты теперво обитаешь. Такжеде и о мне по тем же твоим речем подзнаваются о том, что я ведал твоё пошествие и аз ныне зело опасен и боюсь, что бы чего не пострадати и мне. Потому что на Москве ныне зело строптиво, о котором скажут тебе патрес Давид и Тобиа Тихавский, и ныне ты пожалуй будь опасен никаковым тамо людем не то что нашим, но ни тем, которые зовутся православные рутены, которые и здесь на Москве часто бывають, не означайся, прошю, тем, что ты москвичь, и живи тамо неблазненно, не озирайся в спячь к Москве, ни что же вней благо можешь улучити. Ей естли бы и я не бых женат, не остался бы отцев (sic!) писавый Октоврия в 3 день»³⁴.

Как видно из письма, Артемьев и Роговский в своей приверженности латинству были полными единомышленниками. В письме упоминается Тихавский, который и должен был передать ему это письмо. Где же в то время находился Палладий? Судя по содержанию письма, в Вильне.

Датировка записки — 1688 г. — ставится Шмурло под сомнение на том основании, что Тобия, обративший Палладия в католичество, приехал в Россию лишь в начале 1689 г., а уехать вынужден был 5 октября 1689 г. в связи решением молодого царя об удалении иезуитов из Москвы после свержения Софьи, о чем также имеется намек в письме: «...на Москве ныне зело строптиво».

Если следовать той хронологии, которую приводит сам Роговский, а вслед за ним дореволюционные русские исследователи, то он покинул Москву в 1687 г., проведя в Лихудовой школе полтора года³⁵. Отсюда приблизительная раскладка его странствий: 1687—1688 — Вильна, 1688—1689 — Нейсс, 1689—1692 — Ольмуц, 1693—1698 гг. — Рим.

Однако раз иезуит Тобиа Тихавский лишь в начале 1689 г. прибыл в Москву, где во время праздничного патриаршего «шествия на осяти» он видел иеродиакона в процессии Вербного воскресенья, значит, весной 1689 г. Палладий все еще был в Москве. Можно предположить, что свой побег иеродиакон совершил летом, когда не было занятий в школе и он мог под каким-то благовидным предлогом уехать из монастыря. Артемьев сообщает о том, что Палладия искали и что он сам находился под подозрением. Очевидно, что события, описываемые в письме, имели место совсем недавно³⁶.

³⁴ Шмурло. Русские католики... С. 10. Письмо предваряется иезуитской триграммой: крестом и латинскими буквами IHS.

³⁵ См.: Древняя Российская Вивлиофика... С. 148. В наше время В. Бушляковой обнаружен автограф Палладия, датируемый 1688 г. Это дарственная надпись на Общей Минее, которую он подносит в дар Макариевскому монастырю (см.: Бушлякова. Указ. соч.).

³⁶ См.: Шмурло. Русские католики... С. 11. В связи с этим становится понятнее дата возвращения из Италии самого Петра Артемьева. В октябре 1689 г. он уже пишет из Москвы послание о том, что он был в курсе тайных планов Роговского, бежавшего незадолго перед этим.

Таким образом, хронология путешествий Роговского по Европе должна быть пересмотрена. Во-первых, как это уже очевидно, мы не можем доверять его собственным словам; во-вторых, сами документы говорят о временных неувязках. Наконец, как было сказано выше, проведенные поиски по составу учеников коллегиумов в Вильне и особенно Ольмюце, где он должен был проучиться несколько лет, не дали никакого результата. Свидетельство отца Вальтхаузера доказывает лишь, что он точно обучался в Нейссе.

Шмурло полагает, что Палладий прибыл в Рим в конце 1691 — начале 1692 г.³⁷, а его хлопоты о рукоположении в пресвитерский сан в конце 1693 г. считает признаком окончания двухгодичного курса — Палладий, которому как нелегальному эмигранту было просто некуда идти, стремится устроиться в семинарии при церкви святого Афанасия, где он проживал уже не в качестве студента, но как священник в период с 1693 по 1698 г.

Однако, как было показано ранее, русский иеродиакон был записан в реестр коллегиума лишь в феврале 1693 г., только тогда начал там свое обучение, поэтому время его студенчества все же вписывается в пять лет (1693—1698), тем более что мы видим среди изучавшихся дисциплин также логику и физику, которые он, возможно, штудировал по второму разу, если допустить, что он все же обучался в Вильне и Ольмюце, а также богословие, которому он посвятил целых три года. Таким образом, даже если он уехал из России не в 1687, а в 1689 г., остается еще достаточно времени для его «европейских университетов» перед поступлением в Греческий коллегиум.

Итак, очевидно, что Палладий Роговский принял священство от униатского архиепископа по своей воле, а не под его давлением, искренне исповедуя католичество, а не «устаами токмо». Наконец, относительно своего направления в пределы Украины в базилианский монастырь, якобы последовавшего от папы, он также говорит неправду, как это явствует из письма, написанного им из Венеции³⁸.

Венецианское письмо Палладия Роговского

В своей апологии перед патриархом отец Палладий сообщает, что после выпуска из семинарии он не подчинился распоряжению папы и не поехал в Малороссию, но как только покинул Рим, направился в Венецию для воссоединения с православием³⁹. Однако мы располагаем неопровержимым доказательством, что именно в Москву он и ехал, причем с одобрения римских властей.

Но прежде всего: кем был упоминающийся Роговским в «Челобитной» и в «Изложении веры» «Благочестивый Мелетий, Митрополит Филадельфский»?

Значит, как полагает Шмурло, Артемьев вернулся в Россию еще в 1688 г. вместе с сыновьями Иоанникия Лихуда, а не в 1691 г. вместе с Иоанникием, как полагали дореволюционные русские исследователи (Никольский, Шляпкин).

³⁷ См.: Там же.

³⁸ См.: Древняя Российская Вивлиофика... С. 163.

³⁹ См.: Там же. С. 149, 163.

Надеждин так пишет о возвращении Палладия в лоно Православной Церкви:

«В Венеции, под защитой коммерческой политики правительства, уцелел единственный в Италии оазис восточного православия, малое стадо Греческих христиан, непокорных Риму, управляемое своими пастырями, носившими титул митрополитов Филадельфийских, под рукою Константинопольского патриарха. Здесь остановился Палладий и “припал”, как сам говорит, к митрополиту Мелетию с раскаянием и мольбами о возвращении в недра православной Восточной церкви. Благодушный иерарх, вняв исповедь и уверившись в искренности и правомыслии кающегося, даровал ему прощение и не только снова принял его в союз христианского братства, но и допустил вместе с собой священнодействовать, запечатлев полное восстановление падшего торжественною разрешительною грамотою»⁴⁰.

Православная греческая община Венеции действительно была уникальным доказательством религиозной терпимости Серениссимы. Возникшее после падения Константинополя под ударами османов уже в 1498 г. землячество получает официальный статус братства, причем практически сразу греки, пользуясь своими правами юридического лица, начинают хлопотать о возведении храма во имя святого Георгия Победоносца. Работы по строительству каменного храма, начавшись в 1539 г., окончились через 34 года⁴¹. Храмом и его клириками управляли епископы с титулом митрополитов Филадельфийских. Если прибавить к этому филантропическую деятельность богатых греков, книгоиздание, две школы, социальный статус и политическое влияние членов братства в республике, можно констатировать, что греческая община была для своего времени и места явлением исключительным.

Русский ученый, впрочем, упоминает и о том, что «в то время православная венецианская паства обуревалась внутренним мятежом, носила в недрах своих измену, грозившую явным отступничеством к Риму. Предатель Ангел Типальдо, хищный волк в одежде пастыря, уже плел козни, долженствовавшие купить ему кардинальский пурпур»⁴².

Кто же был этот предатель Типальдо, желавший кардинальской «порпоры»? Оказывается, архиепископ Мелетий и Ангел Типальдо являются одним и тем же лицом — митрополитом Филадельфийским Мелетием Типальдосом!⁴³ Именно этот «благочестивый» иерарх и был на самом деле инициатором и проводником в жизнь соединения православной греческой паствы Венеции с Католической Церковью.

⁴⁰ Надеждин. Указ. соч. С. 916.

⁴¹ См.: Ястребов А. О., *свящ.* Святыни Венеции: Православный историко-художественный путеводитель по базилике Сан-Марко и церквям города. Падуя, 2013. С. 351–357.

⁴² Надеждин. Указ. соч. С. 916.

⁴³ Впервые имя «Ангел» встречается у греческого просветителя Г. Ведотиса, у которого, вероятно, Надеждин и скопировал эту ошибку. На самом деле будущего митрополита в миру звали Матфей (см.: *Ταῖς ἐλέγξ Η. Τυλάδος (Τζαννάτος) Μελέτιος // Κεφαλληνιακά σύμμικτα. Αθήνα, 1904. Τ. 1. Σ. 756).*

Земляк братьев Лихудов, уроженец Ликсури на Кефалинии (род. 1648), Матфей Типальдос получил образование в братской школе венецианской общины и в Падуанском университете на факультетах филологии и богословия. Позже, приняв священнический сан, преподавал в братской школе и Флангиниевском коллегииуме в Венеции, где получил начальствующую должность. Содействовал юношам из родной Кефалинии в устройстве в эти училища, а также в Греческий коллегииум в Риме. Наследовал митрополиту Герасиму Влаху (1675–1685), будучи избран митрополитом Филадельфийским 28 марта 1685 г.⁴⁴

С 1692 г. поползли слухи о его желании соединения с Римом, однако еще в 1691 г. (или в 1690) митрополит читал латинское исповедание веры в присутствии нунция и государственных инквизиторов Венеции. Тогда он это делал, конечно, непублично. Известно даже, что самой своей хиротонии, последовавшей в 1686 г., он ждал не от греческих, а от латинских епископов⁴⁵.

Община с середины 90-х гг. пребывала в смущении по причине жесткого давления митрополита-отступника, принуждавшего верующих к униатству. Сами католические иерархи считали его ревность чрезмерной⁴⁶.

Не находя управы на Мелетия ни у венецианских властей (суды решались, естественно, в его пользу), ни у патриарха Константинопольского, который ничего не мог поделать с отступником, община обращалась с ходатайством даже к российскому самодержцу, который в 1710 г. направил письмо Сенату Республики с просьбой о защите православных от незаконно узурпировавшего кафедру Типальдоса⁴⁷.

Е. Ф. Шмурло сетует на то, что Палладий вел двойную игру — находясь в Венеции при православном епископе, переписывался с католическим иерархом⁴⁸. Однако ситуация на деле была совершенно иной.

Как уже было сказано, можно утверждать, что Роговский направился в Венецию с ведома, а возможно, и по совету своих римских начальников, ведь она была не просто удобным отправным пунктом для путешествия в северную и восточную Европу, на Балканы или в Россию (именно там проживал П. А. Голицын,

⁴⁴ О Типальдосе см.: *Rodotà P. Dell'origine, progresso e stato presente del rito greco in Italia. R., 1758. P. 224–225; Βελούδης Ι. Ελλήνων ορθοδόξων αποικία εν Βενετία. Βενετία, 1893. Σ. 111; Καραθανάσης Α. Η Φλαγγίνειος Σχολή της Βενετίας. Θεσσαλονίκη, 1987. Σ. 96–100; Idem. Η Βενετία των Ελλήνων, Κυριακίδη. Θεσσαλονίκη, 2010. Σ. 430–431.*

⁴⁵ *Sacrae Congregationis De Propaganda Fide Memoria... P. 21–22.*

⁴⁶ См. донесение нунция Кузано кардиналу Спада от 4 сентября 1694 г. (*Archivio Storico di Propaganda Fide. Scritture Riferite nei Congressi. Italo-greci 1681–1715. Vol. 2. Fol. 258*).

⁴⁷ *Τσιτσέλης. Op. cit. Σ. 761.* Вмешательства властей, конечно, не последовало. В 1712 г. Мелетий был наконец низложен на заседании синода под председательством Константинопольского патриарха Кирилла IV (и скончался в следующем году), своим насилием причинив большой вред православной общине Венеции, ибо в дальнейшем католические власти требовали от настоятелей греческого храма святого Георгия произносить латинское исповедание веры, от чего достойные пастыри, естественно, отказывались, а карьеристы соглашались. Черда же митрополитов Филадельфийских и вовсе прервалась...

⁴⁸ «Он, уже принеся покаяние перед епископом Мелетием Филадельфийским, еще продолжал вести двойную игру: порвав — в глазах православных — связи с Римом, он, в действительности, поступал, хотя и тайно, в качестве верного сына Католической Церкви» (*Шмурло. Русские католики... С. 13*).

находившийся в лагуне, согласно распоряжению молодого царя, для изучения морского дела и взявший с собой на родину беглого инока⁴⁹), — благодаря митрополиту Мелетию, захватившему церковь святого Георгия, греческие школы и больницу, она была в тот период настоящей цитаделью униатства.

Вот, оказывается, кто «разрешил [Палладия] отступства веры, паки причел ко Святей Кафолической и Восточной Церкви, и священнодействовати повелел, яко свидетельствует о том от него данная разрешенная грамота»!⁵⁰ Неудивительно поэтому, что так легко стал Роговский вновь православным — ведь для этого ему не пришлось переставать быть католиком.

Необходимым следствием этого «разрешения» было получение от Мелетия указанной разрешительной грамоты. Выше упоминалось, что в силу разных причин митрополит не был соборно осужден решением Константинопольского синода, а следовательно, формально оставался законным правящим архиереем — представителем Константинопольского патриарха в республике. Это означало, что такая бумага была для Палладия надежной страховкой перед возвращением в Москву⁵¹. Таким образом, все дороги вели его в Венецию.

Итак, отправившись в июне из Рима, 8 августа он пишет письмо кардиналу Коллоредо, пробыв к тому времени в «городе мостов и каналов» около двух месяцев. Вот это письмо:

«Преславнейший и Достопочтеннейший Господине, высокочтимый Покровитель! Вынужденный через несколько недель уехать в Московию, куда отправляется из Вены и наш царь, вызванный, не знаю хорошенько, какими именно волнениями в государстве, не могу не выразить Вам, милостивый государь, своего нижайшего почтения, дабы знали, что и в отдалении я храню по-прежнему свою преданность Римской Церкви, не последнюю часть

⁴⁹ С ним, возможно, Палладий познакомился еще раньше, во время его посещения Рима (см.: *Шмурло*. Русские католики... С. 12). Бушлякова уточняет: «В свите Голицына были два брата Нарышкиных, они и стали посредниками в сношениях Голицына с Роговским, а затем ходатайствовали за него перед царем и патриархом. Братья Нарышкины в Венеции подружились с Палладием Роговским, который открыл им свою тайну. Когда юный Нарышкин был представлен Петром I к награде, то на вопрос, чего он хочет, последний просил прощения для Палладия» (*Бушлякова*. Указ. соч. С. 56). Становится понятнее сговорчивость патриарха Адриана, которой он не проявил в случае с Григорием Скибинским, также прибывшим незадолго до этого из Рима, но принятом очень холодно. Кстати, именно Скибинского, раньше Роговского получившего диплом философа и богослова, по праву можно считать «первым русским доктором» (о нем см.: *Никольский М.* Григорий Скибинский: Очерк из истории духовного просвещения в конце XVII в. // *Православное обозрение*. 1862. № 11. С. 167–178).

⁵⁰ *Древняя Российская Вивлиофика*... С. 163.

⁵¹ Во время процесса по делу Петра Артемьева одним из пунктов обвинения стало утверждение последнего, что греческий митрополит в Венеции «послушание свое относит ко двому святейшим отцем римскому и константинопольскому». Диакон, побывав в Венеции, лично знал Мелетия, пытавшегося угодить двум господам, и говорил истинную правду. Опровержение же его слов гласит: «Зде лжет явленно (диакон) митрополит в Венеции грек приемлет благословение и рукополагание от константинопольского, о немже, и всенародно молят по обычаю греческому, якоже греки бывши тамо свидетельствуют и ныне суть на Москве» (ГИМ. Син. 393. Л. 40^{об}). Это означает, что в 1698 г. в Москве (следствие шло весной) были уверены в православии митрополита Мелетия.

коей составляете Вы, милостивый государь. Уезжая так далеко, от полноты сердца прошу Вас, милостивый государь, не отказать мне в своем напутствии и святом благословении. И еще прошу; соблаговолите, милостивый государь, послать мне известные книги (о которых была у нас речь) на адрес монсеньора Филадельфийского или иным путем, какой признаете за наилучший. *Книги эти послужат мне мощным орудием против противников Римской Церкви в странах, где они будут мне необходимы, во-первых, из-за недостатка подобных книг, а во-вторых, по слабости моих собственных талантов.* Я буду молить о сохранении Вашего, милостивый государь, здоровья и преуспеяния. *Вам будет принадлежать заслуга в той жатве, что я соберу или по крайней мере могу собрать среди населения, очень нуждающегося (в слове истины).* В заключение прошу благосклонного снисхождения, если я зашел слишком далеко, досадив Вам — виною тому крайняя доброта, с какою Вы обычно выслушивали меня, сколь ни мало заслуживал я ее. Не смея более отвлекать Вас от высоких занятий, вновь выражаю свое всеижайшее почтение и целую священную ризу Вашу.

[Остаюсь] Ваш, Преславнейший и Достопочтеннейший Господине, низжайший, преданнейший и многообязанный слуга Палладий Роговский, Ордена св. Василия Великого»⁵².

Отметим, что письмо выдает в Палладии блестящего знатока итальянского письменного языка, хотя имеет место перенасыщенность эпитетами и излишняя даже для церковного стиля подобострастность. Адресатом послания является, по мнению Шмурло, секретарь конгрегации Пропаганда Фиде аббат Барди, однако из текста следует, что иеромонах обращается скорее к епископу. Это заставляет думать, что Палладий писал кардиналу-протектору Л. Коллоредо, тому самому, которому он был представлен по прибытии в Рим⁵³.

Однако адресат в данном случае лицо второстепенное. Главным является содержание письма, показывающее истинные убеждения Роговского и его план действий по возвращении на родину.

Veneno sublatus a Schismaticis in Missionibus Заключение

По возвращении в Москву, как известно, Палладий приносит покаяние перед патриархом и, будучи прощен, получает высокую должность ректора Славяно-греко-латинской академии.

Положительный отзыв слышим от его предшественника по преподаванию в академии, ученика братьев Лихудов, книжного справщика Федора Поликарпова. Тот говорит о нем без тени ревности и малейшего недоброжелания.

⁵² Archivio Storico di Propaganda Fide. Scritture riferite nei congressi. Moscovia, Polonia e Rutheni dal 1675 a tutto il 1699. Vol. 2. Fol. 575 (Перевод цитируется с незначительными изменениями по: Шмурло. Указ. соч. С. 13–14).

⁵³ См.: Древняя Российская Вивлиофика... С. 161.

тельства⁵⁴, уподобляя его пчеле, — «возвратился в отчизну, носящ цветы и мед богословия»⁵⁵.

Вернувшийся на родину иеромонах попал под пристальное наблюдение католических священников, тайных иезуитов, находившихся в Москве при царском посольстве. Видеться с ними он в ту пору не мог, однако один из них, отец Эмилиани, в своих донесениях сочувственно отзываясь о молодом докторе богословия, которого сперва «заточили» в Новоспасский монастырь (где, кстати, в то время также находились под надзором братья Лихуды), а когда выпустили, по-прежнему не доверяли⁵⁶.

Дошедшие до нас документы не позволяют во всех подробностях восстановить картину учебного и административного процесса в академии при кратком ректорстве отца Палладия, не доносят они до нас и сведений биографического характера. Мы можем лишь судить по замечаниям католических священников, что, несмотря на заступничество всесильных Нарышкиных, ему пришлось непросто.

Матрикулярная запись в графе *Post discessum* сообщает: «...находясь в миссии, отравлен схизматиками». Так трактовали католики раннюю смерть подававшего надежды 47-летнего выпускника Греческого коллегиума. И хотя у нас на этот счет нет никаких свидетельств, однако бесспорно, что у отца Палладия были недоброжелатели: партия ревнителей чистоты православия и круг возможных конкурентов из числа выпускников академии вряд ли восприняли положительно назначение его на столь высокий пост.

* * *

Палладий Роговский, бесспорно, является сыном своего времени, представителем поколения русской молодежи той эпохи, когда Русь готовилась стать Россией и на этом пути знакомилась с тем новым, что было в дотоле неведомой ей Европе.

После Смуты и особенно после присоединения Малороссии Россия начала раскрываться, взаимодействовать с соседними государствами, участвовать в военных коалициях, активнее вести внешнюю торговлю. Появился новый взгляд на иные традиции, культуру и выражение духовного опыта. Церковные реформы Никона положили начало знакомству с греками и малороссами, приезжавшими в Московию как учителя, дипломаты, врачи, богословы. Петр Великий, по справедливому слову русского историка, был лишь детищем своей эпохи и пред-

⁵⁴ Хотя Роговский и изменил православию и пропал в иных краях, в то время как Ф. Поликарпов и Н. Семенов в отсутствие смещенных в 1694 г. Лихудов на своих плечах несли бремя учительства, он сразу же получил звание и права ректора академии.

⁵⁵ *Поликарпов Ф.* Историческое известие о Московской Академии // Древняя Российская Вивлиофика. М., 1791. Ч. 16. С. 302. Кстати, Поликарпов тут говорит, что Палладий не знает греческого языка.

⁵⁶ Эти документы вошли в сборник: Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII в. СПб., 1904. С. 25, 49, 230, 250.

ставителем своего народа, процесс же «разгерметизации» России был запущен задолго до его появления на исторической сцене⁵⁷.

В ту пору духовная жажда многих не находила утоления в древнем благочестии и московском начетничестве. Греки, при Алексее Михайловиче проложившие широкую дорогу в Московское государство и традиционно пользовавшиеся авторитетом в вопросах богословия и благочестия, вынуждены были уступить место новым авторитетам. Перед тем как в начале XVIII в. Россия встретила с протестантским миром, дух которого оказался Петру во многом близок, русское общество пережило увлечение католичеством, которое и в последующие десятилетия продолжало оказывать заметное влияние на дворянское и отчасти на духовное сословие.

В первую очередь через выходцев из киевских школ, находившихся под известным влиянием латинского богословия, а затем и через непосредственное знакомство с Католической Церковью во время ставших частыми посещений западных пределов, представители высших кругов России при активном воздействии римских миссионеров воспринимали латинские обычаи и образ мысли. Пусть Роговский, Скибинский, Артемьев и Ладыженский стоят здесь несколько особняком, но все же они представляют собой лишь часть движения, к которому принадлежали многие видные деятели Петровской эпохи, не скрывавшие своих симпатий к католицизму⁵⁸.

Ключевые слова: Палладий Роговский, Славяно-греко-латинская академия, Рим, Венеция, Коллегиум Святого Афанасия, Петр Артемьев, Мелетий Типальдос, униатство, иезуитские семинарии

SHADES OF VENICE IN THE BIOGRAPHY OF HEGUMEN PALLADY ROGOVSKY

A. YASTREBOV

Pallady Rogovsky was the first Russian doctor of theology and philosophy. While a student of the Slaviano-Greek-Latin Academy directed by the Brothers Lichudes, he left his homeland for the West in order to obtain a full university education. The years which he spent in Europe and particularly in Italy have attracted little notice on the part of Church historians. The study of unpublished materials in Italian archives together with those already published by the Russian researcher E. Shmurlo from the archive of

⁵⁷ См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1991. Т. 14. С. 543.

⁵⁸ Среди таких представителей русской аристократии указанного периода были видный дипломат и российский канцлер В. В. Голицын, первый русский граф, генерал-фельдмаршал Б. П. Шереметев, главный русский финансист А. А. Курбатов и многие другие (см., например: Шмурло Е. Ф. Поездка Б. П. Шереметева в Рим и на остров Мальту // Сборник Русского научного института в Праге. Прага, 1929).

the Propaganda de Fide and the Greek College, which however, remain unnoticed for the great majority of academics, permit us to have an idea of what occupied Rogovsky during this time, as well as to draw a more precise portrait of his personality. Most remarkable is the fact of his priestly ordination in the Roman Catholic Church and the correspondence relating to Rome's acceptance of his Russian Orthodox diaconal ordination. One of the most informative documents found among those relating to his ordination and addressed to the Roman Curia is the letter of a Russian Catholic, the deacon (later defrocked) Petr Artem'ev, in which Artem'ev revealed that Rogovsky already had converted to Roman Catholicism before he left Russia. Equally noteworthy is Rogovsky's own letter which he composed while in Venice and in which he formulated his plans for the propagation of Roman Catholicism in Russia.

Keywords: Pallady Rogovsky, Slavyano-Greek-Latin Academy, Rome, Venice, College of Saint Athanasius, Petr Artem'ev, Meletios Tipaldos, Uniatism, Jesuit seminaries.

Список литературы

1. *Rodotà P.* Dell'origine, progresso e stato presente del rito greco in Italia. R., 1758.
2. *Sacrae Congregationis de Propaganda Fide memoria rerum 1662–1972 / J. Metzler, cur.* Freiburg, 1972. Vol. 1/2.
3. *Wojnar M. M.* Basilian Missionary Work // *Analecta Ordinis S. Basilii Magni.* 1974. Vol. 9. P. 95–110.
4. *Βελοῦδης Ι.* Ελλήνων ορθοδόξων αποικία εν Βενετία. Βενετία, 1893.
5. *Καραθανάσης Α.* Η Βενετία των Ελλήνων, Κυριακίδη. Θεσσαλονίκη, 2010.
6. *Καραθανάσης Α.* Η Φλαγγίνειος Σχολή της Βενετίας. Θεσσαλονίκη, 1987.
7. *Τσιρπανλής Ζ.* Το ελληνικό κολλέγιο της Ρώμης και οι μαθητές του (1576–1700). Θεσσαλονίκη, 1980.
8. *Τσιτσέλης Η.* Τυπάλδος (Τζαννάτος) Μελέτιος // *Κεφαλληνιακά σύμμικτα.* Αθήνα, 1904. Τ. 1.
9. *Бушлякова В. А.* Автограф Палладия Роговского в фондах Тверского государственного объединенного музея // *Дни славянской письменности и культуры: Сб. докладов и сообщений.* Тверь, 2002. Вып. 6. С. 54–57.
10. *Древняя Российская Вивлиофика / Н. И. Новиков, изд. М., 1791².* Ч. 18.
11. *Надеждин Н. И.* Палладий Роговский, первый русский доктор // *Сын Отечества.* СПб., 1840. Т. 4. С. 598–621.
12. *Назарко І., свящ.* Київські і Галицькі митрополити. Р., 1962.
13. *Никольский М.* Григорий Скибинский. Очерк из истории духовного просвещения в конце XVII в. // *Православное обозрение.* 1862. № 11. С. 167–178.
14. *Никольский М.* Русские выходцы из заграничных школ в XVII стол. Палладий Роговский // *Православное обозрение.* 1863. Кн. 10. С. 162–172.
15. *Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII в.* СПб., 1904.
16. *Поликарпов Ф.* Историческое известие о Московской Академии // *Древняя Российская Вивлиофика.* М., 1791. Ч. 16. С. 302.
17. *Рамазанова Д. Н.* Палладий Роговский // *Большая Российская энциклопедия (в печати).*
18. *Смеловский А.* Братья Лихуды и направление теории словесности в их школе // *Журнал министерства народного просвещения.* 1845. Ч. 45. Отд. 5. С. 31–96.

19. *Смирнов С. К.* История Московской Славяно-греко-латинской академии. М., 1855.
20. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1991. Т. 14.
21. *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 3.
22. *Шмурло Е. Ф.* Поездка Б. П. Шереметева в Рим и на остров Мальту // Сборник Русского научного института в Праге. Прага, 1929.
23. *Шмурло Е. Ф.* Россия и Италия: Сб. исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. Л., 1927. Т. 4.
24. *Шмурло Е. Ф.* Русские католики конца XVII в. по данным архивов Пропаванды и Коллегии св. Афанасия // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1931. Вып. 3. С. 1–29.
25. *Шмурло Е. Ф.* П. В. Постников: Несколько данных для его биографии. Юрьев, 1894.
26. *Ястребов А. О., свящ.* Святыни Венеции: Православный историко-художественный путеводитель по базилике Сан-Марко и церквям города. Падуя, 2013.